

Original article

УДК 336.14:332.14(571.6)

<https://elibrary.ru/ZOMNVX>

Federal Intergovernmental Transfers as an Instrument Regulation of Economic Development of the Far East

Olga I. Tishutina¹, Maria N. Solomko²^{1, 2} The Far Eastern State Railway University, Khabarovsk, Russia¹ tishutina.olga@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6983-7579>² solomko_m_n@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1115-6257>

Abstract. *The purpose of this paper is to give characteristic of the federal intergovernmental transfers, providing to the constituent entities of the Far-Eastern Federal District, compare its purposes and structure to economic development priorities of the Far East and trend of public finance and economic growth of the Federal District. On the one hand decrease of the share of the Far-Eastern Federal District in the federal intergovernmental transfers' distribution is due to the faster growth of tax revenues and fiscal capacity. On the other hand such decreasing carries risk of economic dynamic deterioration in the Far-Eastern Federal District connected with deficit of budget funds. Despite the faster growth of tax and non-tax revenues in the budgets of the constituent entities of the Far-Eastern Federal District, and the decrease in their dependence on transfers from the federal budget, including subsidies, contribution of the region to the formation of tax revenues in the consolidated budget of the Russian Federation and GDP remains low. The system of intergovernmental transfer remains poorly focused on achieving balanced economic growth, which involves overcoming the raw materials specialization of the regions of the Far East and concentrating resources on developing its production and technological potential. The relatively weak links between the dynamics of targeted transfers, on the one hand, and GDP, investments, and gross value added in the manufacturing industry, on the other, indicate that there is potential for regulation, but it is not being used effectively. Based on this, it is concluded that the system of intergovernmental transfers should be reoriented to provide more active support for industrial development and other aspects of the regional economy that are directly related to innovation and the implementation of modern production technologies.*

Keywords: *budget, the constituent entities of the Far-Eastern Federal District, budget revenue, federal intergovernmental transfers, subsidy*

Acknowledgement: without external funding.

For citation: Tishutina, O. I., Solomko, M. N. (2026) Federal intergovernmental transfers as an instrument regulation of economic development of the Far East. *Power and Administration in the East of Russia*, no. 2 (115), pp. 68–82. EDN: ZOMNVX

Научная статья

Межбюджетные трансферты как инструмент регулирования экономического развития Дальнего Востока

Ольга Игоревна Тишутина¹, Мария Николаевна Соломко²

^{1, 2} Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск, Россия

¹ tishutina.olga@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6983-7579>

² solomko_m_n@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1115-6257>

Аннотация. Цель работы – дать характеристику межбюджетных трансфертов из федерального бюджета бюджетам субъектов Дальневосточного федерального округа (ДФО), сопоставить их назначение и структуру с приоритетами развития Дальнего Востока и провести сравнительный анализ их динамики и изменений в состоянии экономики и общественных финансов региона. Снижение доли субъектов ДФО в распределении межбюджетных трансфертов между федеральными округами оценивается неоднозначно. С одной стороны, это связано с опережающим ростом налоговых и неналоговых доходов этих бюджетов, повышением бюджетной обеспеченности. С другой – несет риск ухудшения экономической динамики регионов ДФО из-за дефицита финансовых ресурсов на развитие. Несмотря на высокие темпы роста налоговых и неналоговых доходов бюджетов субъектов ДФО, вклад макрорегиона в формирование налоговых доходов консолидированного бюджета РФ и ВВП остается низким. Система межбюджетных трансфертов остается слабо ориентированной на достижение сбалансированного экономического роста, предполагающего преодоление сырьевой специализации регионов Дальнего Востока и концентрацию ресурсов на развитии его производственного и технологического потенциала. Сравнительно слабые связи между динамикой целевых трансфертов, с одной стороны, и валовым региональным продуктом, инвестициями и валовой добавленной стоимостью, создаваемой в обрабатывающей промышленности – с другой, свидетельствуют о наличии потенциала регулирования, но его недостаточном использовании. На этой основе сделан вывод о необходимости переориентации системы межбюджетных трансфертов на оказание более активной поддержки промышленного развития и иных аспектов экономики региона, непосредственно связанных с инновационной деятельностью и внедрением современных производственных технологий.

Ключевые слова: бюджет, регионы Дальневосточного федерального округа, доходы бюджета, межбюджетные трансферты из федерального бюджета, субсидии

Сведения о финансировании: без внешнего финансирования.

Для цитирования: Тишутина, О. И., Соломко, М. Н. Межбюджетные трансферты как инструмент регулирования экономического развития Дальнего Востока // Власть и управление на Востоке России. 2026 № 2 (115). С. 68–82. EDN: ZOMNVX

Введение

Сбалансированный экономический рост субъектов Дальневосточного федерального округа (далее – ДФО) является одним из приоритетов пространственного развития Российской Федерации¹. Федеральная политика, направленная на раскрытие экономического потенциала Дальневосточного региона и модернизацию его экономики, основывается на комплексном использовании различных форм, методов и инструментов государственного регулирования. Одним из них является бюджетное регулирование.

В рамках данной работы мы остановимся на анализе влияния, которое оказывает действующий механизм бюджетного регулирования на состояние экономики Дальнего Востока, что позволит сделать выводы о его соответствии приоритетам, обозначенным в Стратегии пространственного развития, а также о его вкладе в сбалансированное экономическое развитие региона. Учитывая формировавшиеся на протяжении нескольких десятилетий структурные диспропорции, исходим из того, что сбалансированный экономический рост невозможен без опережающего развития обрабатывающих производств, в том числе и главным образом основанных на применении современных технологий.

Являясь одним из основных инструментов бюджетного регулирования и формируя значительную часть доходов бюджетов субъектов РФ, межбюджетные трансферты потенциально могут влиять на результаты федеральной политики пространственного развития. Соответственно, изменения в состоянии экономики регионов ДФО, рассмотренные в комплексе с основными параметрами их бюджетов, в определенной степени являются следствием бюджетного регулирования и могут рассматриваться в качестве обобщенных конечных показателей его эффективности.

Наше исследование основано на изу-

чении следующих вопросов.

1. Какова динамика основных параметров общественных финансов субъектов ДФО в условиях изменения объемов, состава и структуры межбюджетных трансфертов?

2. Соответствует ли структура межбюджетных трансфертов таким приоритетам, как ускоренное промышленное и технологическое развитие и активизация предпринимательской деятельности?

3. Согласуются ли динамика предоставления трансфертов с изменениями экономических параметров субъектов ДФО (валовой региональный продукт (ВРП), добавленная стоимость, создаваемая в сфере обрабатывающих производств, инвестиции в основной капитал)?

Хронологическими рамками исследования является период 2019–2025 гг., кроме того, в целях сопоставления используются отдельные показатели за 2018 г. Данные за 2019 г. приняты в качестве исходных, поскольку этот год был последним, предшествующим периоду серьезных колебаний в состоянии бюджетов и большинства секторов экономики, обусловленных потрясениями 2020 и 2022 гг. (пандемия, специальная военная операция, ужесточение санкций). Под влиянием обозначенных событий в 2020–2023 гг. изменились приоритеты пространственного развития – в государственной политике очевидно усиление акцента на модернизацию структуры экономики, ускоренное обновление инфраструктуры, причем не только социальной, коммунальной, дорожной, но и производственной, поддержку технологического развития. Показатели 2024 г.² и 2025 г. иллюстрируют изменения в состоянии экономики субъектов РФ и их бюджетов в условиях адаптации к новым макроэкономическим условиям и вклад бюджетного регулирования в сохранение резiliентности региональных финансов и раскрытие резервов экономического роста субъектов Федерации.

¹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.12.2024 №4146-р. URL: <http://government.ru/docs/all/157308/> (дата обращения: 08.04.2026).

² На момент подготовки статьи ряды статистических данных по общеэкономическим показателям (добавленная стоимость по видам экономической деятельности, инновационная активность, выпуск высокотехнологичной продукции и ряд других) ограничиваются 2024 г.

Методами исследования являются анализ программных документов, определяющих приоритеты пространственного развития, сравнительный анализ, кроме того используются элементы корреляционного анализа.

Информационную базу исследования составили официальные статистические данные Росстата³, отчеты об исполнении консолидированных бюджетов субъектов РФ, отчеты Федеральной налоговой службы о начисленных и поступивших в консолидированный бюджет налогах⁴.

Обзор литературы. В целом вопросы оценки бюджетного регулирования, практики применения его отдельных инструментов, равно как и состояния бюджетов, достаточно подробно рассмотрены в научных исследованиях.

При формировании теоретической базы нашего исследования мы выделили несколько групп научных работ.

Первая группа исследований – фундаментальные работы, раскрывающие методологические аспекты государственного регулирования пространственного развития [Бухвальд, 2025; Сидоренко, 2023].

Вторую группу составили научные труды, посвященные оценке воздействия различных видов межбюджетных трансфертов и бюджетных кредитов на параметры региональных бюджетов, экономические стимулы органов государственного управления субъектов РФ, уровень территориальной дифференциации [Арлашкин, 2020; Гурвич, 2020; Тимушев, 2023]. Разнообразие методик оценки и различия в массивах данных (например, вся совокупность трансфертов или одна их форма) ожидаемо дает различные результаты. На наш взгляд, это свидетельствует, во-первых, о разнонаправленном влиянии инструментов регулирования, во-вторых, об изменении чувствительности региональных бюджетов и экономик к инструментам воздействия с течением времени, в-третьих, о большом количестве факторов, обуслов-

ливающих изменение реакции субъектов Федерации на меры воздействия. Полученные оценки также используются авторами указанных исследований в качестве аргументации вывода о необходимости придания бюджетному регулированию большей системности. Отчасти из-за необходимости оперативного реагирования на изменения внешней среды в 2020–2022 гг. и нивелирования отрицательного (в отдельных случаях – глубокого деструктивного) воздействия на экономику и социальную сферу (отчасти – как следствие продолжительного эволюционного совершенствования) современный механизм бюджетного регулирования соединил признаки различных моделей. Его многоэлементная структура и возможность надстройки для быстрого перераспределения средств, с одной стороны, является сильной частью сложившейся системы регулирования, а с другой – предпосылкой снижения эффективности.

Предметом третьей группы исследований являются меры поддержки субъектов ДФО [Сидоренко, 2023; Тишутина, 2026]. Отдельного внимания заслуживают работы, содержащие анализ бюджетов субъектов Дальнего Востока в 2020–2024 гг., в которых в числе прочих затронуты вопросы финансовой резiliентности дальневосточных регионов в условиях пандемии и (или) специальной военной операции. [Леонов, 2025]

Результаты анализа

Территория ДФО объединяет 11 субъектов Федерации. При общности факторов, определяющих приоритеты, возможности и ограничения их экономического развития на современном этапе, для регионов Дальнего Востока характерна значительная дифференциация как по естественным условиям ведения экономической деятельности, так и по исторически сформировавшейся структуре выпуска, состоянию общественных финансов и другим параметрам. Кроме

³ Валовой региональный продукт / Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>. Дата обращения: 15.04.2026.

⁴ Отчет о начислении и поступлении налогов, сборов и страховых взносов в бюджетную систему Российской Федерации по основным видам экономической деятельности (Отчет НОМ-1) / Федеральная налоговая служба. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/14794313. Дата обращения: 15.04.2026.

того, наряду с дифференциацией, описываемой официальными статистическими данными, среди субъектов ДФО (как и регионов любого другого федерального округа) существуют различия по характеру проводимой региональными органами власти экономической политики, ее нацеленности на опережающий рост инвестиционной и предпринимательской активности, раскрытие инновационного потенциала, интенсификации обрабатывающего (в том числе высокотехнологичного) производства.

Хотя субъекты ДФО обладают значительным природным потенциалом, выгодным с точки зрения развития международных экономических отношений с дружественными зарубежными странами, экономико-географическим положением и иными предпосылками для экономического роста, их потенциал, в том числе бюджетный, раскрыт не в полной мере. Это может быть проиллюстрировано следующими показателями.

Регионы Дальнего Востока вносят сравнительно небольшой вклад в формирование суммарного валового регионального продукта: немногим меньше 6,2% в 2019 г. и 6,3% в 2024 г., опережая по данному показателю только Северо-Кавказский федеральный округ. Несмотря на положительную динамику физического объема выпуска, доля субъектов ДФО в валовой добавленной стоимости, создаваемой в отраслях обрабатывающей промышленности, остается невысокой: 1,8% и 1,9% в 2019 г. и 2024 г. соответственно. С этими общеэкономическими показателями в целом согласуются данные по вкладу ДФО в формирование налоговых доходов консолидированного бюджета. В 2019 г. на территории субъектов ДФО было мобилизовано порядка 4,4% налоговых доходов консолидированного бюджета РФ, в 2024 г. – менее 4%. Рост показателя в 2025 г. до 4,2% оказался недостаточным для достижения уровня 2019 г., вместе с тем его можно рассматривать как индикатор благоприятных тенденций в сфере экономического развития и общественных финансов регионов Дальнего Востока.

Учитывая приоритетность задачи по модернизации структуры экономики,

усилению ее высокотехнологичной составляющей, считаем необходимым обратить внимание на динамику доли поступлений в консолидированный бюджет от обрабатывающих производств. В 2019 г. вклад ДФО в формирование доходов консолидированного бюджета от отраслей обрабатывающей промышленности составил 2,5%. В дальнейшем значение показателя снижалось и составило 1,5% в 2024 г. и 1,8% в 2025 г.

Подобные изменения объясняются сохранением долговременной тенденции к отставанию субъектов ДФО по уровню промышленного и технологического развития от регионов, для которых обрабатывающие производства исторически определяли экономическую специализацию. В номинальном выражении налоговые поступления в консолидированный бюджет РФ, обеспечиваемые обрабатывающими производствами по всем субъектам Федерации в целом, увеличились за 2019–2025 гг. более чем в 2,2 раза. По субъектам ДФО темп роста составил 156,6%, что отражает достаточно глубокий разрыв между общероссийской динамикой и показателями региона.

Вклад субъектов ДФО в формирование налоговых поступлений от таких видов обрабатывающей промышленности, как производство фармацевтической продукции и медицинских изделий, производство транспортных средств, включая суда и летательные аппараты, электроники, компьютеров, прочего оборудования, варьировался в диапазоне от 0,2% до 0,66%. По данному показателю ДФО занимает 7–8 место среди федеральных округов, что отражает как недостаточный уровень высокотехнологичной составляющей региональной экономики, так и нераскрытый потенциал данных сфер экономической деятельности в укреплении финансовой устойчивости.

Выявленные тенденции позволяют сделать вывод о необходимости усиления стимулов для развития обрабатывающей промышленности на Дальнем Востоке, в том числе посредством механизма бюджетного регулирования.

Хотя на протяжении анализируемого периода субъекты ДФО практически не

улучшили свои позиции в части вклада в формирование валового продукта и доходов консолидированного бюджета РФ, в состоянии общественных финансов большинства дальневосточных регионов произошли позитивные изменения. Приведем несколько показателей.

1. Повышение уровня финансовой самодостаточности. В консолидированных бюджетах субъектов ДФО доля налоговых и неналоговых доходов в общем объеме доходов за вычетом субвенций в 2019 г. в среднем составляла 62,6%, в 2025 г. – превысила 72%. Причиной данных изменений послужили высокие темпы прироста налоговых доходов бюджетов, однако такая тенденция была характерна не для всех регионов Дальнего Востока. Это предопределялось особенностями структуры экономики субъектов ДФО, различной реакцией на экономические изменения, вызванные событиями 2020 и 2022 г., содержанием и эффективностью мер федерального государственного регулирования и политикой, проводимой органами государственной власти самих субъектов ДФО.

2. Оптимизация структуры доходов, обусловленная опережающими темпами роста доходов по налогу на прибыль организаций, налогам на совокупный доход, что свидетельствует о повышении деловой активности и положительных результатах деятельности организаций.

3. Повышение уровня бюджетной обеспеченности и снижение зависимости от дотаций в большинстве субъектов ДФО, за исключением Еврейской автономной области. По состоянию на 2019 г. единственным регионом Дальнего Востока, не получавшим дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности, являлась Сахалинская область. В 2025 г. в эту категорию также вошла Амурская область. Значительный рост уровня расчетной бюджетной обеспеченности отмечался в Магаданской области (0,737 на 2025 г. и 0,600 на 2019 г.), Приморском крае (0,863 и 0,724 соответственно в 2025 и 2019 г.), Забайкальском крае (0,638 и

0,545 соответственно в 2025 и 2019 г.).

В остальных регионах изменение уровня бюджетной обеспеченности было менее существенным либо обуславливалось не столько укреплением экономического потенциала, сколько изменениями в методике расчета индекса.

На фоне этих тенденций за 2019–2025 гг. доля субъектов ДФО в распределении дотаций из федерального бюджета (как на выравнивание бюджетной обеспеченности, так и других видов) снизилась с 19,5% до 16,8%. В первую очередь, подобная динамика также подтверждает приведенный выше тезис об укреплении финансовой самодостаточности дальневосточных регионов. Кроме того, в совокупности с тенденциями, которые будут рассмотрены в следующей части статьи, она отражает и изменения подходов к бюджетному регулированию.

4. Сокращение государственного долга и оптимизация его структуры в ряде субъектов ДФО⁵. В абсолютном исчислении государственный долг снизился в Хабаровском крае и Чукотском автономном округе, при этом в Хабаровском крае произошло полное замещение рыночных долговых обязательств бюджетными кредитами. Аналогичное изменение структуры государственного долга отмечено в Забайкальском крае. Снижение обязательств по банковским кредитам также произошло в Амурской, Магаданской областях, Республике Саха (Якутия). Противоположные тенденции зафиксированы в Камчатском и Приморском краях, Республике Бурятия. Исполнение областного бюджета с дефицитом в 2024 г. и 2025 г. привело к необходимости осуществления заимствований и формированию государственного долга в Сахалинской области.

Таким образом, выявленные тенденции свидетельствуют о постепенном улучшении экономической ситуации и состоянии общественных финансов ряда дальневосточных регионов. Но, во-первых, они не носят системного поступательного характера и охватывают не

⁵ Информация об объеме и структуре государственного долга субъектов Российской Федерации / Министерство финансов Российской Федерации. URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/public_debt/subj/subdbt/ (дата обращения: 15.04.2026).

все субъекты федерального округа. Вторых, изменения происходят медленными темпами, вследствие чего сохраняется значительное отставание дальневосточных регионов от субъектов Федерации с промышленной специализацией, и существует риск дальнейшего углубления межрегиональной асимметрии.

Анализ динамики и структуры межбюджетных трансфертов бюджетам ДФО позволил сделать следующие выводы.

1. В течение 2019–2025 гг. объем и структура межбюджетных трансфертов, передаваемых из федерального бюджета бюджетам субъектов ДФО, были подвержены выраженным колебаниям, что в целом повторяет ситуацию, типичную для большинства регионов и объясняется воздействием внешних факторов.

Объемы межбюджетных трансфертов, предоставляемых в бюджеты большинства субъектов ДФО, увеличились в меньшей степени по сравнению с налоговыми и неналоговыми доходами⁶. Несмотря на это, безвозмездные поступления из федерального бюджета на протяжении всего исследуемого периода оставались значимым источником поступлений в бюджеты регионов Дальнего Востока. В 2025 г. для трех субъектов ДФО (Камчатский край, Еврейская автономная область и Республика Бурятия) дотации, субсидии и иные межбюджетные трансферты составляли более 40% средств для финансового обеспечения расходных обязательств субъектов РФ.

2. За 2019–2025 гг. изменилось распределение межбюджетных трансфертов из федерального бюджета между федеральными округами. Наряду с указанным выше снижением доли субъектов ДФО в распределении дотаций уменьшилась доля бюджетов регионов Дальнего Востока в иных межбюджетных трансфертах, предоставляемых из федерального бюджета (с 17% до 4,8%). Противоположная динамика отмечается в распределении субсидий: в 2025 г. субъекты ДФО получили 11,9% от совокупного объема субсидий из федерального бюджета (для

сравнения: 9% в 2019 г.). В целом данные разнонаправленные изменения привели к тому, что доля ДФО в распределении межбюджетных трансфертов (без учета субвенций) снизилась с 16% до 12,9%.

Эти тенденции объясняются следующим образом.

Первое. По объективным причинам в 2020–2025 гг. появились новые задачи РФ в сфере пространственного развития, в том числе связанные с необходимостью интеграции в единое экономическое пространство регионов, недавно вошедших в состав страны.

Второе. По мере изменения внешней среды и экономической ситуации в субъектах ДФО осуществлялась тактическая корректировка инструментария регулирования.

3. Несмотря на объективные различия в состоянии экономики и общественных финансов, в 2019–2025 гг. для всех регионов отчетливо проявляется тенденция к увеличению доли субсидий и снижению удельного веса иных межбюджетных трансфертов. Это отражает процесс замещения иных межбюджетных трансфертов субсидиями. В большинстве субъектов ДФО также отмечается уменьшение доли дотаций.

Каждая форма межбюджетных трансфертов как инструмент воздействия на экономическую динамику региона и средство достижения национальных целей обладает рядом преимуществ и ограничений. В условиях, когда необходимо сконцентрировать бюджетные средства на приоритетных направлениях, обеспечить их целевое и эффективное использование путем мониторинга денежных потоков и оценки непосредственных и конечных результатов расходования, скоординировать действия всех уровней сектора государственного управления, субсидии являются оптимальным инструментом бюджетного регулирования.

Смещение акцентов в бюджетном регулировании, осуществляемом в отношении ДФО, в сторону софинансирования, а также сравнительно новых для

⁶ Рассчитано на основе: Отчеты об исполнении консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации (2019–2025 гг.). URL: https://roskazna.gov.ru/ispolnenie-byudzhetrov/konsolidirovannye-byudzhety-subektov-rossijskoj-federacii?filter_type=49 Дата обращения: 12.04.2026.

российской практики механизмов бюджетного кредитования (инфраструктурные кредиты и др.) согласуется с методологическими разработками Института экономики РАН [Пространственное развитие..., 2020].

4. Рассматривая состав и структуру субсидий, ставших к 2025 г. основным инструментом бюджетного регулирования, оценим их соответствие приоритетам экономического развития Дальнего Востока.

С одной стороны, перечень направлений софинансирования (как в целом, так и непосредственно в отношении регионов Дальнего Востока) претерпел ряд корректировок. С другой – в 2024–2025 гг., как и в 2019 г., предоставление субсидий обеспечивало концентрацию бюджетных средств на таких направлениях, как обновление инфраструктуры образования, здравоохранения, спорта, культуры и социального обслуживания, жилищно-коммунального хозяйства, объектов комфортной городской среды. Например, в 2025 г. на реализацию планов социального развития населенных пунктов, являющихся центрами экономического роста в ДФО, было выделено около 20% общего объема субсидий. Значительную долю также занимали субсидии на предоставление мер социальной поддержки населения (например, на осуществление региональной социальной доплаты к пенсии – свыше 10%), оказание отдельных видов медицинской помощи, социальное обслуживание населения. В рамках решения задачи по упорядочению порядка предоставления целевых трансфертов ряд иных межбюджетных трансфертов был замещен субсидиями с аналогичным назначением. Среди показательных примеров – трансферты на мероприятия в области содержания дорог (около 20% от общей суммы субсидий, предоставленных субъектам ДФО в 2025 г.), а также трансферты на достижение результатов национального проекта «Производительность труда», на возмещение прямых затрат на создание и модернизацию объектов агропромышленного комплекса и др.

В целом структура субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов ДФО отражает инвестиционную направ-

ленность механизма софинансирования. Учитывая высокий уровень затрат на создание и модернизацию объектов капитального строительства, можно сделать вывод, что подобный приоритет бюджетного регулирования позволяет, во-первых, снизить нагрузку на региональные бюджеты, во-вторых, постепенно преодолевать межрегиональное неравенство в обеспеченности базовой инфраструктурой и, следовательно, доступности и качестве основных общественных благ.

Субсидии, непосредственно направленные на модернизацию структуры экономики регионов ДФО, на протяжении всего периода составляли небольшой удельный вес в общем объеме софинансирования.

Опираясь на содержание Стратегии пространственного развития и данные отчетов об исполнении бюджетов, выделим приоритеты экономического развития ДФО и согласованные с ними виды субсидий (табл. 1).

Перечень таких субсидий, приведенный в таблице, не является исчерпывающим. Главным образом, это вызвано агрегированным подходом к представлению данных по видам субсидий в отчетах, размещаемых на официальном сайте Федерального казначейства. Субсидии, назначение которых корреспондирует с задачами в сфере модернизации экономики, могут предоставляться в составе субсидий за счет ассигнований Резервного фонда Правительства РФ и так называемых прочих субсидий. Например, в 2025 г. за счет бюджетных ассигнований Резервного фонда Правительства РФ субъектам ДФО были выделены субсидии на оказание услуг субъектам малого и среднего предпринимательства, в том числе связанных с организацией и осуществлением экспортной деятельности.

Кроме представленных в таблице 1, в качестве приоритетных с точки зрения генерации инвестиционного потока в Стратегии определены следующие отрасли: авиа-, судостроение, логистика, лесной комплекс, нефтехимия, аквакультура. Отсутствие межбюджетных субсидий, непосредственно связанных со стимулированием их развития, не означает, что

Таблица 1

Приоритеты развития ДФО и субсидии, содействующие их достижению

Приоритет экономического развития и доля субсидий, соответствующих приоритету в общем объеме субсидий бюджетам ДФО, %	Назначение субсидий
Развитие АПК (0,6%)	Увеличение производства овощей; обеспечение (возмещение) производителям зерновых культур части затрат на производство и реализацию зерновых культур; возмещение части затрат на уплату процентов по инвестиционным кредитам в АПК; возмещение части прямых затрат на создание и модернизацию объектов АПК, приобретение оборудования для обязательной маркировки продукции; развитие сельской кооперации; поддержка приоритетных направлений АПК и малых форм хозяйствования; проведение мелиоративных мероприятий.
Развитие туризма (0,7%)	Строительство инженерной и транспортной инфраструктуры в целях создания федеральных круглогодичных курортов и туристских кластеров; развитие сельского туризма; достижение показателей ГП РФ «Развитие туризма».
Развитие и повышение эффективности обрабатывающих производств (0,2%)	Достижение результатов НП «Производительность труда»; государственная поддержка МСП; реализация региональных программ развития промышленности.
Развитие отдельных производств	Строительство объектов в рамках инвестиционного проекта «Регазификационный комплекс СПГ в Камчатском крае» (2,7%); реализация инвестиционных проектов по добыче и переработке многокомпонентных руд в Чукотском автономном округе (в части создания энергетической и иной инфраструктуры).
Развитие науки и технологий (0,2%)	Создание сети научно-производственных центров испытаний и компетенций в области развития технологий беспилотных авиационных систем.

Примечание: составлено авторами на основе Стратегии пространственного развития и отчетов об исполнении консолидированных бюджетов субъектов РФ за 2025 г. URL: https://roskazna.gov.ru/ispolnenie-byudzhetov/konsolidirovannyye-byudzhety-subektov-rossijskoj-federacii?filter_type=49 Дата обращения: 12.04.2026

организации, осуществляющие производственную и инвестиционную деятельность в этих сферах, не получают какой-либо прямой и косвенной поддержки. Как указывалось выше, бюджетное регулирование является одним из нескольких механизмов стимулирования экономического развития наряду, например, с фи-

нансовой поддержкой организаций по линии федеральных институтов развития и главных распорядителей средств федерального бюджета. Вместе с тем изложенное выше иллюстрирует недостаточное использование потенциала бюджетного регулирования, преимуществом которого является углубленное вовлечение субъек-

тов РФ в достижение целей развития в сфере промышленного, в том числе высокотехнологичного производства.

Мы полагаем, что прямое и наиболее сильное воздействие на модернизацию структуры региональной экономики оказывают субсидии, непосредственно направленные на создание и совершенствование инфраструктуры предпринимательской деятельности и промышленного производства, а также иных видов экономической деятельности, соответствующих специализации региона. Особое значение имеют субсидии на учреждение и докапитализацию региональных институтов развития (фонды промышленного развития, технологического развития и т. п.), строительство индустриальных парков, создание научно-производственных кластеров, а также иных мер, предусмотренных региональными программами развития промышленности.

Таким образом, с точки зрения содействия экономическому развитию Дальнего Востока может быть дана двойственная оценка структуры субсидий бюджетам ДФО. С одной стороны, концентрация средств на таких направлениях, как создание современной городской среды и развитие малых населенных пунктов, укрепление материально-технической базы образования, культуры, спорта призвано формировать благоприятные условия для закрепления населения на Дальнем Востоке, привлечения квалифицированных кадров для жизни и работы в регионах ДФО. Эти субсидии могут рассматриваться как долгосрочные вложения в развитие человеческого капитала – безусловно, одного из важнейших факторов экономического роста. [Найден, 2020] Но эти инвестиции, во-первых, в большинстве случаев дают отсроченный эффект, во-вторых, сила и характер их воздействия на модернизацию структуры экономики все же не детерминированы. Часть субсидий на софинансирование расходных обязательств субъектов РФ в сфере здравоохранения, социальной поддержки населения, культуры, хотя и позволяет решать социально значимые проблемы, не связана с экономическим ростом – то

есть не оказывает влияния ни на производительность труда, ни на создание материальной основы производства.

С другой стороны, доля субсидий, непосредственно направленных на развитие экономики региона, весьма невелика. В их структуре в недостаточной степени просматривается направленность на преодоление глубинных экономических дисбалансов дальневосточных регионов. В большей мере они ориентированы на обеспечение занятости, продовольственной безопасности, раскрытия туристического потенциала, решение общеэкономических проблем (транспортная доступность и пр.). Как указывалось выше, субъекты ДФО обладают значительным ресурсным потенциалом, в ряде регионов интенсивно развивается и доминирует (как в формировании ВРП, так и доходов бюджета субъекта РФ) добывающая промышленность. Изменчивость конъюнктуры рынка, а также риски, связанные с эксплуатацией месторождений полезных ископаемых, выводят на первый план задачу по поддержке расширения и модернизации обрабатывающих производств, прежде всего высокотехнологичных. В ином случае развитие добывающих отраслей может дать ограниченный по времени положительный эффект и в дальнейшем привести к потере финансовой резилентности региона в условиях неблагоприятных изменений рыночной ситуации, углублению структурных диспропорций и формированию дополнительных факторов дестабилизации экономики макрорегиона в целом.

Как было указано выше, значительное снижение роли иных межбюджетных трансфертов в системе бюджетного регулирования развития ДФО преимущественно объясняется постепенным переводом многих их видов в форму субсидий, а также завершением отдельных мероприятий. В результате в 2025 г. в системе иных межбюджетных трансфертов осталось сравнительно немного инструментов стимулирования экономического развития регионов. Вместе с тем в форме иных межбюджетных трансфертов бюджетам субъектов РФ выделяются средства на создание

кампусов. Реализация подобных проектов обеспечивает комплексное решение задач в сфере повышения качества высшего образования, кадрового обеспечения экономики регионов, развития технологий и инноваций, что в конечном итоге способствует раскрытию научно-технологического потенциала субъектов Федерации и модернизации структуры экономики. Среди субъектов ДФО получателем иных межбюджетных трансфертов на строительство кампуса в 2025 г. являлась Сахалинская область (доля этих трансфертов превысила 80% от объема иных межбюджетных трансфертов, предоставленных области, и 17% общей суммы иных межбюджетных трансфертов, выделенных ДФО).

Динамика предоставления иных межбюджетных трансфертов, оказывающих непосредственное влияние на экономическую динамику регионов, нестабильна. Отчасти это объясняется спецификой проектов, на поддержку реализации которых выделяются трансферты из федерального бюджета. Другой причиной, на которой было акцентировано внимание, является концентрация средств на социальном направлении, что в условиях ограниченности бюджетных средств приводит к тому, что поддержка капиталоемких проектов в сфере промышленности обычно носит фрагментарный характер.

Для оценки влияния бюджетного регулирования на экономическое развитие ДФО сопоставим темпы роста валового регионального продукта, валовой добавленной стоимости по обрабатывающей промышленности, инвестиций в основной капитал с динамикой целевых межбюджетных трансфертов (без учета субвенций). Использование агрегированного показателя трансфертов, включающего субсидии и иные межбюджетные трансферты, обусловлено указанным выше совершенствованием структуры инструментов регулирования и, в частности, переводом значительной части иных трансфертов в форму субсидий.

На протяжении рассматриваемого периода динамика валового регионального продукта ДФО характеризовалась разнонаправленными, причем как во вре-

менном, так и в территориальном срезе, тенденциями. Для многих регионов ДФО максимальные темпы роста ВРП (как в текущих ценах, так и по физическим объемам) наблюдались в 2021 и 2023 гг. В первом случае этому предшествовало наиболее значительное за весь период увеличение целевых межбюджетных трансфертов, передаваемых в бюджеты многих субъектов ДФО (2020 г.).

Отметим, что анализируемый в статье период (2019–2025 гг.) начинается с существенного (двукратного и большего) прироста субсидий и (или) иных межбюджетных трансфертов из федерального бюджета отдельным субъектам Дальнего Востока (Забайкальский край, Чукотский автономный округ, Еврейская автономная область, Республика Бурятия, Амурская область) к уровню 2018 г.

В большинстве регионов это не обеспечило улучшения динамики ВРП на следующий год, поскольку возможный положительный эффект бюджетного импульса был в значительной мере нивелирован изменениями условий хозяйственной деятельности из-за ограничений, вызванных пандемией и объективно необходимыми мерами по противодействию ее распространения. Вместе с тем логично предполагать, что существенный прирост трансфертов в течение двух лет (2019 г. и 2020 г.), во-первых, отчасти компенсировал негативное воздействие пандемии на уровень деловой активности и производство товаров и услуг, во-вторых, сформировал отсроченный эффект роста, наблюдаемый в 2021 г.

Росту ВРП большинства регионов в 2023 г. предшествовало увеличение целевых межбюджетных трансфертов в номинальном выражении. Но при корректировке объемов субсидий и иных межбюджетных трансфертов на уровень инфляции зависимость между их динамикой и темпом роста ВРП практически не проявляется. Увеличение суммы целевых трансфертов в постоянных ценах фиксируется только в трех субъектах ДФО, причем темп роста их ВРП отстает от показателя, достигнутого большинством других регионов Дальнего Востока.

Для упорядочения представлений о согласованности прироста межбюджетных

трансфертов и ВРП был рассчитан коэффициент парной корреляции, что показало наличие умеренной положительной связи между абсолютным изменением величины целевых межбюджетных трансфертов и ВРП за пятилетний период. Расчет проводился в двух вариантах. В первом была оценена корреляционная зависимость между приростом трансфертов и ВРП в 2024 г. к 2019 г. – то есть за один и тот же период. Во втором был рассчитан коэффициент корреляции между приростом ВРП за 2019–2024 гг. и абсолютным изменением трансфертов за период со смещением на год – то есть за 2018–2023 гг., что позволило оценить влияние трансфертов предшествующего периода на динамику ВРП.

Коэффициент корреляции прироста ВРП и величины трансфертов без смещения на год ниже (0,38), чем со смещением (0,56). Этот результат согласуется с результатами сравнительного анализа цепных темпов роста показателей и объясняется структурой трансфертов (высокая доля инвестиционных субсидий, направленность на создание условий для развития человеческого капитала и общие меры по улучшению инвестиционного климата и условий проживания). Очевидно, что инструменты бюджетного регулирования подобной направленности не могут обеспечивать мгновенный эффект, они ориентированы на достижение долгосрочных приоритетов развития. Вклад инструментов бюджетного регулирования, предусматривающих меры прямой текущей поддержки, ниже (что закономерно в условиях небольших объемов трансфертов на непосредственное стимулирование предпринимательской деятельности и поддержку промышленной политики регионов).

Анализ следующей пары показателей – целевые межбюджетные трансферты и валовая добавленная стоимость, созданная в обрабатывающей промышленности – показал отсутствие значимой связи между ними. Ни у регионов с относительно ровными тенденциями, ни у субъектов РФ с резкими изменениями общеэкономических и бюджетных показателей нет согласованности в динамике трансфертов и выпуска обрабаты-

вающих производств.

Эти наблюдения подтверждаются результатами расчета коэффициента ранговой корреляции Спирмена. Для расчета использовались данные по темпу роста целевых трансфертов за 2018–2023 гг. и темпу роста валовой добавленной стоимости обрабатывающих производств за 2019–2024 гг. (то есть, как и при оценке связи между изменением трансфертов и ВРП осуществлялось смещение периода на год с целью учета фактора отсрочки влияния). Анализ прироста показателей в целом за период (а не всей цепочки темпов роста год к году) представляется важным ввиду заметных колебаний сумм трансфертов и объемов выпуска на протяжении периода. Последние связаны как с конъюнктурными факторами, так и с особенностями технологического цикла отдельных производств, динамикой ввода в эксплуатацию новых объектов и их выхода на проектную мощность.

Расчет коэффициента ранговой корреляции ожидаемо показал слабую связь (-0,46). Учитывая небольшое число наблюдений (число субъектов РФ $n=11$), делаем вывод о низкой статистической значимости коэффициента.

Полученные результаты анализа говорят о том, что действующая система бюджетного регулирования не обеспечивает предсказуемого стабильного воздействия на динамику экономической, в том числе производственной деятельности. Результаты развития обрабатывающей промышленности находятся под влиянием иных факторов, а в системе мер ее государственной поддержки доминируют формы и методы, не связанные с межбюджетным перераспределением средств.

Между динамикой инвестиций в основной капитал и целевых межбюджетных трансфертов также не выявлено значимой связи при проведении анализа данных в целом по федеральному округу. Несколькая иная картина формируется при сравнении цепных темпов роста показателей и расчете коэффициента парной корреляции по каждому субъекту ДФО отдельно. Это объясняется региональной спецификой инвестиционных процессов,

структурой источников финансирования инвестиций, а также приоритетами софинансирования. Сравнительно высокий уровень зависимости переменных отмечен для Сахалинской области (при анализе данных как за 2019–2025 гг., так и за 2018–2024 гг.); Республики Бурятии, Камчатского края, Магаданской области, Чукотского автономного округа (для периода 2018–2024 гг.). Коэффициент корреляции между показателями трансфертов бюджетам этих субъектов ДФО и инвестиций превысил 0,55. Это объясняется предоставлением бюджетам данных регионов трансфертов на реализацию крупных инвестиционных проектов, в том числе в сфере развития производственной инфраструктуры. Наиболее показательными примерами являются трансферты бюджету Чукотского автономного округа на реализацию инвестиционного проекта в сфере добычи и переработки многокомпонентных руд и бюджету Камчатского края на строительство регазификационного комплекса СПГ.

Полагаем, что неоднозначность полученных оценок свидетельствует о том, что межбюджетные трансферты как основной инструмент бюджетного регулирования оказывают воздействие как на состояние общественных финансов (данные заимозависимости наиболее очевидны и статистически подтверждены), так и на динамику экономического развития регионов ДФО в целом. Вместе с тем потенциал такого влияния в значительной мере остается нераскрытым. Его эффективному использованию, на наш взгляд, препятствуют:

непредсказуемость изменений внешней среды, что обуславливает необходимость оперативных корректировок как в распределении средств, так и в составе инструментов регулирования в целях ослабления деструктивного воздействия различных факторов;

исторически сложившаяся структура межбюджетных трансфертов, в которой мерам непосредственного стимулирования обрабатывающей промышленности, технологий и производственных инноваций отводится весьма скромное место;

неполная согласованность методологии бюджетного регулирования страте-

гическим ориентирам экономического развития федеральных округов и государства в целом.

Заключение

Динамика и структура межбюджетных трансфертов, предоставляемых бюджетам субъектов ДФО, формировались в условиях радикальных изменений внешней среды и эволюции подходов к реализации региональной политики. Среди положительных тенденций – увеличение доли бюджетов субъектов ДФО в распределении субсидий между регионами, что отражает развитие практики софинансирования и согласуется с изменениями в экономической динамике Дальнего Востока; опережающий рост налоговых и неналоговых доходов, что говорит о превалировании стимулирующего эффекта трансфертов над эффектом замещения.

Структура целевых трансфертов не в полной мере соответствует приоритетам развития экономики ДФО. Бюджеты субъектов ДФО получают крайне небольшие суммы трансфертов, предназначенные для дальнейшего совершенствования производственной инфраструктуры, институтов поддержки предпринимательства, современных технологий. Таким образом, система трансфертов вносит скромный вклад в преодоление отставания ДФО по уровню технологического и промышленного развития от регионов с устойчиво сильными позициями в данной сфере.

Таким образом, бюджетное регулирование как составная часть государственной политики, проводимой в отношении регионов Дальнего Востока, обладает нераскрытым потенциалом воздействия на структурные дисбалансы ДФО, и его вклад в достижение целей сбалансированного развития макрорегиона остается недостаточным. Реализации этого потенциала могут способствовать меры стратегического и тактического характера. В первом случае предлагается совершенствование методологии регулирования путем усиления ее селективного начала с акцентом на необходимость первоочередного развития промышленности, в том числе высокотехнологичной, и учетом предрасположенности и готовности регионов к переходу

к экономической модели более высокого технологического уровня. Во втором – частичное перераспределение трансфертов на финансирование проектов в области обрабатывающей промышленности, создания производственной инфраструктуры, а также увеличение масштабов поддержки данной сферы ДФО [Захарчук, 2026].

Результаты исследования призваны

акцентировать внимание на проблемах структурных дисбалансов экономики регионов ДФО и необходимости более активного применения механизма бюджетного регулирования в их преодолении, а также могут быть приняты за основу для постановки новых исследовательских вопросов, касающихся воздействия трансфертов на достижение стратегических целей развития ДФО.

Список источников:

1. Арлашкин, И. Ю. Межбюджетные инструменты стимулирования регионального экономического роста в России // Финансовый журнал. 2020. Т. 12. № 6. С. 54–68. <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2020-6-54-6>. EDN: NSXNYS
2. Бухвальд, Е. М. Российский федерализм и новая Стратегия пространственного развития // Проблемы развития территории. 2025. Т. 29. № 5. С. 32–43. DOI: 10.15838/ptd.2025.5.139.2. EDN: EYAWSC
3. Гурвич, Е. Т., Краснопеева, Н. А. Анализ взаимосвязи доходов и расходов российских региональных бюджетов // Вопросы экономики. 2020. № 2. С. 5–29. DOI: 10.32609/0042-8736-2020-2-5-29. EDN: HWQNXU
4. Захарчук, Е. А., Лаврикова, Ю. Г., Суворова, А. В. Региональные инвестиции как финансово-экономический механизм развития макрорегионов // Финансовый журнал. 2026. Т. 18. № 1. С. 45–62. <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2026-1-45-62>. EDN: QSCKSH
5. Леонов, С. Н. Тенденции и факторы формирования доходов бюджетов дальневосточных субъектов Федерации в условиях турбулентности // Проблемы развития территории. 2025. Т. 29. № 1. С. 41–56. DOI: 10.15838/ptd.2025.1.135.4. EDN: QZJPXU
6. Найден, С. Н., Грицко, М. А., Буревая, Н. С. Развитие социальной инфраструктуры как условие роста человеческого капитала // Власть и управление на Востоке России. 2020. № 2 (91). С. 16–29. DOI: 10.22394/1818-4049-2020-91-2-16-29. EDN: CSCTFQ
7. Пространственное развитие российской экономики: закономерности и государственное регулирование: научный доклад. М. : Институт экономики РАН, 2020. 99 с. URL: <https://inecon.org/publikaczii/nauchnye-doklady/prostranstvennoe-razvitie-rossijskoj-ekonomiki-zakonomernosti-i-gosudarstvennoe-regulirovanie-kollektivnyj-nauchnyj-doklad.html>
8. Сидоренко, О. В. Научные подходы и механизмы реализации государственной политики развития Дальнего Востока России : монография. Хабаровск : Изд-во ХГУЭП, 2023. 172 с. DOI: 10.38161/978-5-7823-0772-1-2023. EDN: NZFOMC
9. Тимушев, Е. Н., Михайлова, А. А. Федеральные трансферты: фактор роста долга регионов? // Вопросы экономики. 2023. № 5. С. 23–49. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-5-23-49. EDN: UOFBFBK
10. Тишутина, О. И., Лазуткина, М. С., Тишутин, А. А. Бюджетно-финансовые механизмы государственной региональной политики развития Дальневосточного федерального округа // Экономика и предпринимательство. 2026. № 2(187). С. 195–199. DOI: 10.34925/EIP.2026.187.2.029. EDN: LNJKSQ

References:

1. Arlashkin, I. Yu. (2020). Intergovernmental instruments for stimulating regional economic growth in Russia. *Financial Journal*, no 12 (6), pp. 54–68. <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2020-6-54-68>. EDN: NSXNYS (in Russ.).

2. Bukhvald, E. M. (2025). Russian federalism and a new spatial development strategy. *Problems of Territory's Development*, no 29(5), pp. 32 – 43. DOI: 10.15838/ptd.2025.5.139.2. EDN: EYAWSC (in Russ).
3. Gurvich, E. T., Krasnopeeveva, N. A. (2020) Analysis of tax-spend nexus for Russian regional budgets. *Voprosy Ekonomiki*, no. 2, pp. 5–29. DOI: 10.32609/0042-8736-2020-2-5-29. EDN: HWQNXU (In Russ.).
4. Zakharchuk, E. A., Lavrikova, Yu. G., Suvorova, A. G. (2026). Regional investments as an economic mechanism for the development of macroregions. *Financial Journal*, no 18 (1), pp. 45–62. <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2026-1-45-62>. EDN: QSCKSH (in Russ).
5. Leonov, S. N. (2025). Trends and factors concerning formation of budget revenues of the Far Eastern constituent entities of the Federation under conditions of turbulence. *Problems of Territory's Development*, no 29 (1), pp. 41–56. DOI: 10.15838/ptd.2025.1.135.4. EDN: QZJPXU (In Russ.).
6. Naiden, S. N., Gritsko, M. A., Burevaya, N. S. (2020) Social infrastructure development as a condition of human capital growth. *Power and Administration in the East of Russia*, no. 2 (91), pp. 16–29. DOI 10.22394/1818-4049-2020-91-2-16-29. EDN: CSCTFQ (in Russ).
7. Spatial development of the Russian economy: patterns and state regulation. Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2020. 99 p. Available at: <https://inecon.org/publikaczii/nauchnye-doklady/prostranstvennoe-razvitie-rossijskoj-ekonomiki-zakonomernosti-i-gosudarstvennoe-regulirovanie-kollektivnyj-nauchnyj-doklad.html> (in Russ).
8. Sidorenko, O. V. (2023) Scientific approaches and mechanisms for implementing the state policy for the development of the Russian Far East : scientific monograph. Khabarovsk, Khabarovsk State University of Economics and Law. 172 p. DOI: 10.38161/978-5-7823-0772-1-2023. EDN: NZFOMC. (in Russ).
9. Timushev, E. N., Mikhaylova, A. A. (2023) Federal transfers: leeway to higher regional debt? *Voprosy Ekonomiki*, no. 5, pp. 23–49. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-5-23-49. EDN: UOFBFBK (in Russ).
10. Tishutina, O. I., Lazutkina, M. S., Tishutin, A. A. (2026) Budgetary and financial mechanisms of the state regional policy for the development of the Far Eastern Federal District. *Economics and Entrepreneurship*, no 2 (187), pp. 195–199. DOI: 10.34925/EIP.2026.187.2.029. EDN: LNJKSQ (in Russ).

Статья поступила в редакцию 27.04.2026; одобрена после рецензирования 29.05.2026; принята к публикации 01.06.2026.

The article was submitted 27.04.2026; approved after reviewing 29.05.2026; accepted for publication 01.06.2026.

Информация об авторах

О. И. Тишутина – доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой экономической безопасности и таможенного дела, Дальневосточный государственный университет путей сообщения;

М. Н. Соломко – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической безопасности и таможенного дела, Дальневосточный государственный университет путей сообщения.

Information about the authors

O. I. Tishutina – Doctor of Economics, Associate Professor, Head of the Department of Economic Security and Customs, Far Eastern State Railway University;

M. N. Solomko – candidate of Economics, associate professor of the Department of Economic Security and Customs, Far Eastern State Railway University.